

УДК 330.8

Экономические системы: эволюция, современные критерии оценки, новые реальности

Е.С. Шахнович

В процессе длительного исторического развития человеческого общества постоянно происходят изменения содержания и форм организации трудовой деятельности людей, лежащие в его основе, совершаются эволюционные переходы от одной экономической системы к другой. Непременным условием таких переходов является неуклонное развитие человеческой личности, изменение роли и места человека в общественном производстве, совершенствование орудий труда и способов изготовления потребляемых благ. Наряду с этим они, как правило, сопровождаются коренными преобразованиями в законодательной сфере, формах собственности, распределительных отношениях социальных, денежно-кредитных, фискальной политике государства и других областях.

Исследованию сложной проблемы их эволюционной модификации в экономической литературе посвящено немало работ. Причем в анализе причин перехода среди них достаточно долгое время преобладал, так называемый, формационный подход, в основу которого были положены классовые интересы, эволюция форм собственности и деление субъектов хозяйствования на собственников и неимущих. Однако с течением времени, в результате происходящей эволюции экономических систем границы собственности, как со стороны ее функционального деления, так и множественности форм значительно расширились. Стали возникать концепции «функционального социализма», «экономики согласований», «социальной рыночной экономики», «системы участия», основанные на технологическом, институциональном и цивилизационном подходах оценки критериев сменяемости экономических систем. По иному начали осмысливаться и наполняться новым содержанием ключевые понятия и категории экономической науки такие, как «эксплуатация», «стоимость», «цена», «субъект» и «объект» собственности и другие. Происходят определенные изменения во взаимоотношениях органов власти с рыночными хозяйствующими субъектами, в социальной политике государств, на уровнях межгосударственного сотрудничества и в планетарном масштабе. Все это вызывает настоятельную необходимость не только пересмотра целостного комплексного подхода в исследовании объективных условий, и причин закономерного перехода от одной экономической системы общественного производства к другой, но и переосмысления и уточнения отдельных категорий экономической науки и прежде всего самого понятия «система».

В большой советской энциклопедии дается следующее определение системы: «Система (от греч. целое, составленное из частей соединение) – это множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которые образуют определенную целостность, единство» 1(БСЭ. Т. 23. – С. 1376)

Авторы учебного пособия «Экономическая теория» – В.Л. Клоня, И.В. Новикова – указывают на наличие несколько десятков различных определений системы по различным аспектам и дают свое определение «Система – это есть совокупность элементов, определенным образом связанных между собой, и определяющая ее цели и свойства» 2(В.Л. Клоня И.В. Новикова. «Экономическая теория». Уч. пособие. – Мн., ТетраСистемс, 2002).

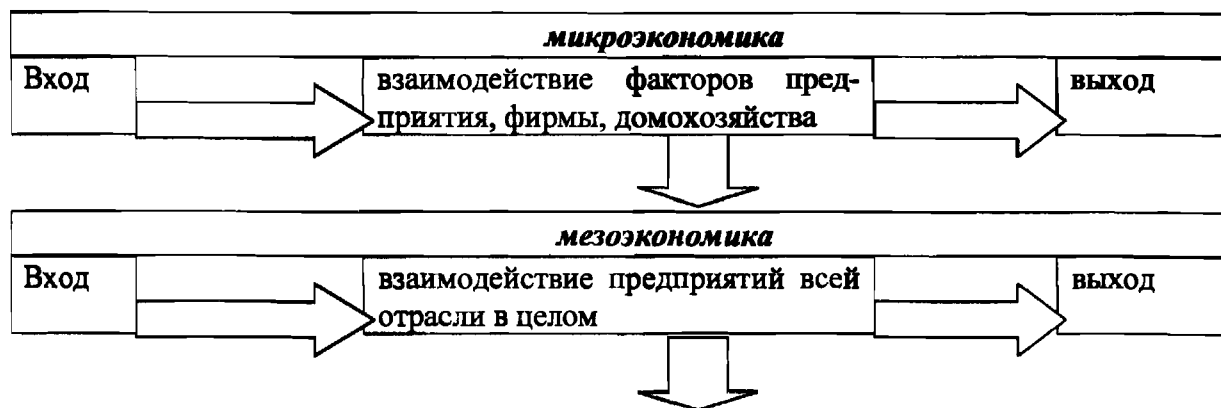
В мире существует множество различных систем: экономических, физических, теологических, химических, автоматизированных и т.д. Они различаются между собой как по внешним признакам, так и по внутреннему содержанию, степени сложности и уровням организации

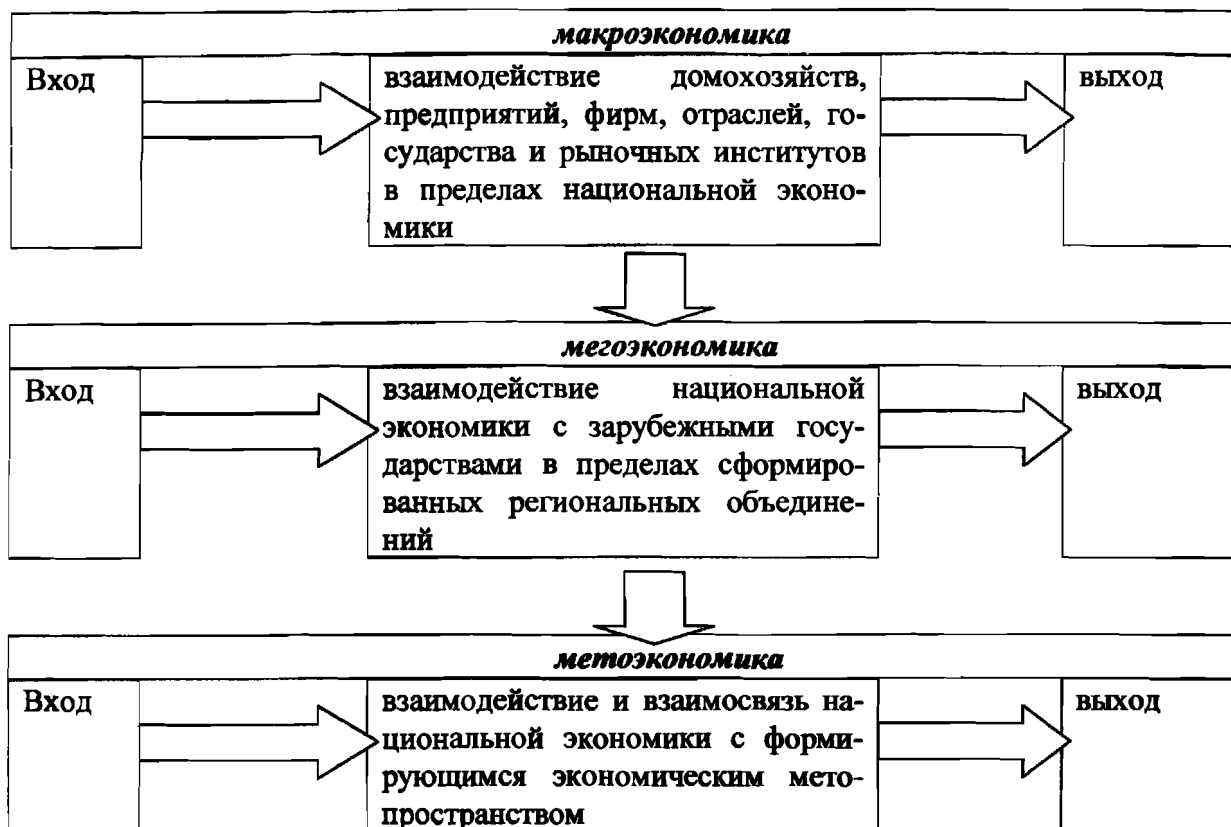
Система – это достаточно емкое и сложное понятие.

Так, общество существует именно посредством определенной системы общественных отношений между субъектами и благодаря ей. И система отношений не возникает сама по себе, ее необходимо производить, расходовать специфический труд и материальные средства на ее формирование, функционирование и развитие. Воспроизводство системы общественных отношений требует фиксации и защиты территориального базиса общества, поддержания определенного общественного единства, устойчивости, внутренней и внешней безопасности, порядка, национальной и межнациональной консолидации, регламентации и защиты сложившихся трудовых отношений, отношений собственности, субординации и т.д.

Среди имеющегося многообразия различных систем социально-экономические системы, классифицируемые по различным типам и формам, начиная от простейших социальных объединений до современных модификаций социально-экономических структур общественного устройства, занимают особое место.

Экономическая система представляет собой сложное многоуровневое образование общественно-экономической жизни людей, в которое входят следующие подсистемы, которые можно определить как системы различных уровней: микроэкономика, мезоэкономика, макроэкономика, мегэкономика, метэкономика. В самом простом виде схематически их можно представить:

Основным элементом общественно-экономической системы выступает человек, общественный индивид. Общество и индивид органически взаимосвязаны и взаимообусловлены. При этом индивид относительно автономен, поскольку сам есть особая система, с одной стороны, зависящая от общества, а с другой, оказывающая на нее определенное воздействие. Его деятельность достаточно многогранна. Он выступает в различных аспектах: в качестве производителя материальных благ и потребителя, как родовоспроизводящий и деятельный субъект, ориентированный на непрерывное продолжение цепи жизни, существо духовное и социальное.

Поэтому основу экономической системы составляет общественное производство, которое включает в себя материальное, духовное и социальное производство, а также производство общественного человека. Они образуют четыре отдельные сферы совокупного общественного производства, которые в целом создают единую интегрированную производственную сферу, или суперсферу. Точно также процесс воспроизводства совокупного общественного продукта объективно разделяется на четыре фазы: производства, распределения, обмена и потребления. Все они тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены между собой, но неравнозначны вопреки мнению отдельных авторов, поскольку по мере развития экономической системы в процессе исторической эволюции объективно возникают новые приоритеты, и значение, роль различных сфер и фаз общественного воспроизводства в общей структуре относительно изменяется. Так, на данном этапе развития, обращение или рынок занимает более доминирующее поло-

жение и становится ведущей сферой общественного воспроизводства, по отношению к которой и распределение, и собственно производство превращаются в зависимый элемент. Рынок становится не только важнейшим связующим звеном между производством и потреблением, но и средством наиболее полного изучения потребностей, направленности производства на эти потребности и их удовлетворения.

Главный функциональный смысл и целевая направленность общественно-экономической системы как особого способа жизнедеятельности людей состоит в обеспечении и расширенном воспроизведении их всестороннего совместного существования, удовлетворении конкретных человеческих потребностей, нужд и поддержании материальных, духовных и социальных условий жизни. Она достаточно динамична и в конкретных исторических условиях может менять вектор своего направления, в структурном плане, в зависимости от уровня накопления ресурсного, интеллектуального потенциала и сложившихся взаимоотношений. Проблема здесь состоит в том, что возможность развития материального производства предопределяется духовным производством, ибо без роста знаний и их последующей материализации прогресс материального производства практически немислим. В то же время развитие и накопление творческих способностей людей, в сущности, являясь единственным источником всякого развития, зависит во многом от складывающихся между ними производственных отношений.

Основными отличительными чертами экономической системы являются:

- целостность (все составные элементы составляют целостную систему);
- взаимосвязь и взаимозависимость элементов системы (изменение одного из них оказывает влияние на другого);
- сложность, многоэлементность (в любой сложной системе существует множество подсистем);
- целесообразность, (направленность экономической системы к одной цели);
- самовоспроизведение (способность системы к самосохранению и возобновлению);
- эмерджентность (экономическая система под воздействием объективных и субъективных факторов имеет тенденцию в историческом контексте к обновлению).

Экономическая система в целом обладает такими свойствами, какие не присущи в отдельности каждому составляющему элементу ее структуры.

В качестве основных элементов структуры экономической системы, как правило, выделяют:

- социально-экономические отношения (человек и отношения собственности);
- организационные формы хозяйственной деятельности (производственные единицы, организация производства, разделение, специализация и кооперация труда);
- хозяйственный механизм (правительственные органы, госбюджет, денежно-кредитная система, экономические институты, механизм выработки и принятия хозяйственных решений, нормы и правила экономического поведения, формы управления и т.д.);
- конкретные экономические связи между хозяйственными субъектами.

Однако более логично экономическую систему исследовать, прежде всего, с позиций единства отношений человека и вещественных факторов производства, поскольку именно они выступают важнейшими ее структурными элементами во многом предопределяя динамизм, стремительность развития экономической системы или ее замедление в зависимости от роли, местоположения человека в ней и нацеленности на его потребности и интересы.

В экономической литературе выдвигаются различные подходы и научные критерии к определению экономической системы, оценке ее разноразмерных модификаций.

Одни экономисты определяют экономическую систему как сообщество людей (социум). Так, Н.В. Герасимов пишет: «Понятие общества и общественно-экономической формации в основном тождественны. Различия между ними заключаются лишь в том, что во втором понятии в отличие от первого логические акценты ставятся на экономической основе общества и на том, что оно (общество) всегда имеет исторически определенную форму». [1]. Разумеется, такое определение имеет определенную логику, поскольку социум – это общественный мир человека, взятый во всей содержательной полноте. Оно включает в себя самого человека как существо общественное, отношение между людьми и общественными группами, систему организации экономической, социальной, политической и духовной жизни, социальные институты, государство, политические партии, правовую систему, мораль, семью и т.д., а также материальную и духовную культуру. Однако вряд ли правомерно сегодня понятие экономической системы ограничивать рамками национальной экономики, поскольку на данном этапе развития она перерастает эти границы и выходит далеко за ее пределы.

Марксистский подход основан на характеристике экономической системы как способа производства, в основе которого единство и взаимодействие двух составляющих: производительных сил, находящихся на определенном уровне развития, и соответствующего им типа производственных отношений, которые в совокупности с надстройкой образуют общественно-экономическую формацию. На основании этого подхода выделяется пять формаций: первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая. В основе его – классовое деление общества, что не в полной мере отражает реальную действительность: нацеленность многих современных экономических систем на гармонизацию интересов, сотрудничество.

У авторов издания «Экономика» К.Р. Макконнелл и С.Л. Брю превалирует метод оценки экономической системы по способу координации и управления и формам собственности. В соответствии с этим они выделяют четыре модели экономических систем: чистый капитализм, командная экономика, смешанные системы, традиционная экономика. При таком подходе по сути дела выпадает из поля зрения главный фактор общественного производства: человек. [2].

Американский экономист У. Ростоу в книге «Стадии экономического роста», опубликованной в 1960 году, выдвинул теорию стадий роста и выделил пять стадий экономического развития: традиционное общество, переходное общество или период создания условий для сдвига, период сдвига, стадия зрелости, стадия высокого уровня массового потребления. Такой подход также грешит односторонностью, так как все внимание при этом сосредоточивается в основном на проблеме накопления капитала.

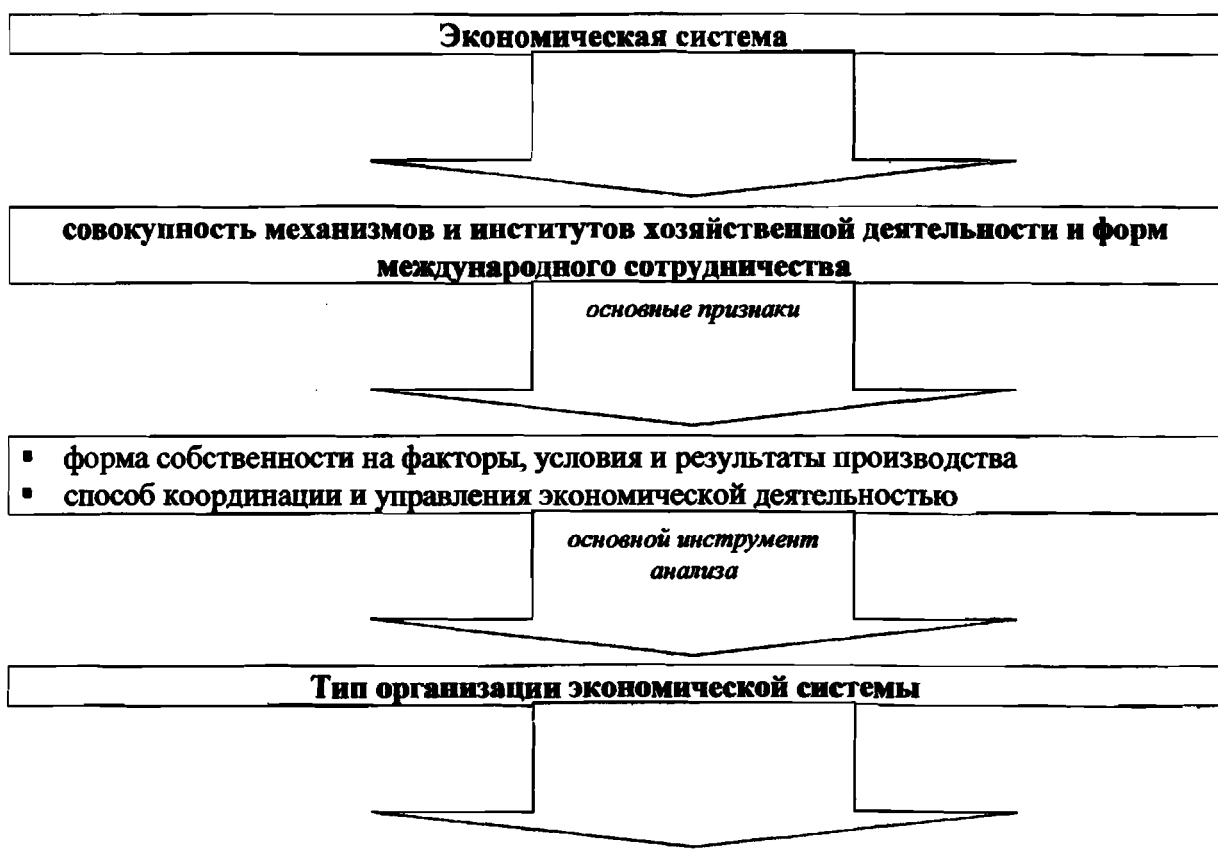
В учебнике, по экономической теории, изданном под редакцией Н.И. Базылева и С.П. Гурко подчеркивается, что «Вся история общества – это, прежде всего, история развития человека как первого элемента структуры экономической системы». «Наиболее правильным нам представляется определение экономической системы как единство человека и общественного производства» [3].

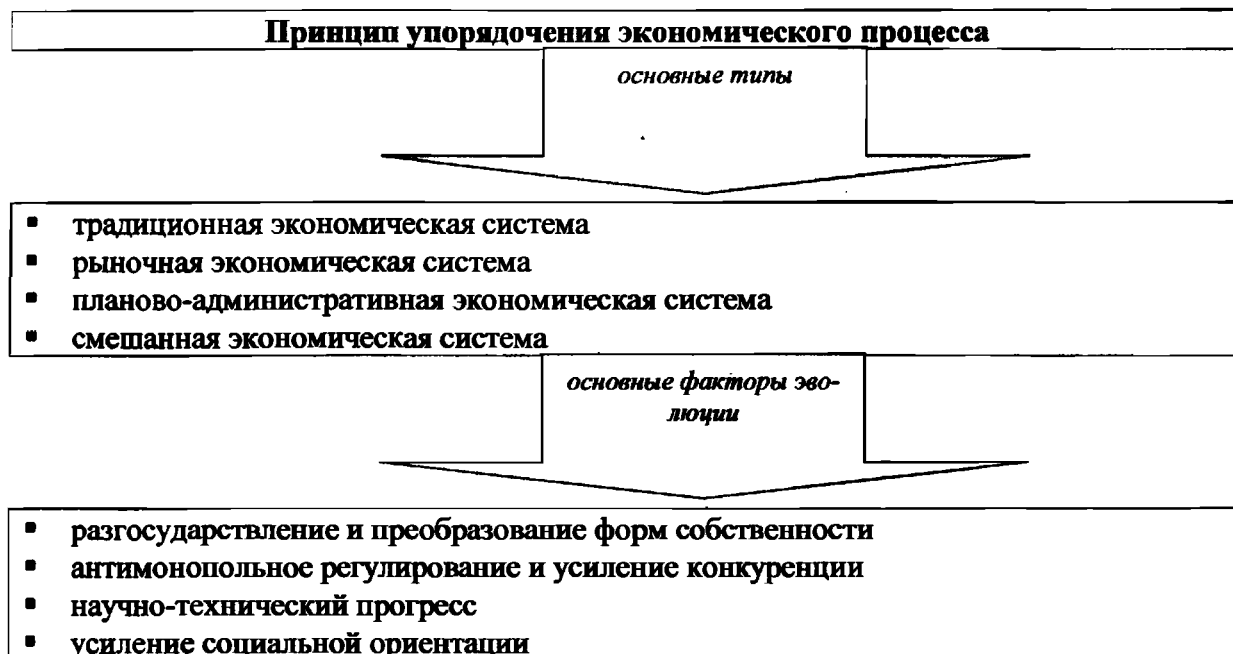
Ряд экономистов под экономической системой понимают общие закономерности деятельности и развития человека как индивида и члена общества.

Другие исследуют модификации экономической системы по организационно-технологическому принципу.

Не вдаваясь в правомерность оценок всех приведенных определений системы и ее модификаций, укажем лишь на то, что все они подчеркивают сложность и многогранность ее как экономической категории.

С учетом изложенного определение экономической системы можно уточнить как целостной, пространственно-ограниченной, социально-определенной материально-общественной системы, направленной на обеспечение совместной жизни людей, достижение определенного уровня их благосостояния и выступающей не в виде простой суммы хозяйственных звеньев и подсистем, а совокупности взаимосвязанных элементов, образующих определенную целостность, экономическую структуру общества, единство отношений, складывающихся по поводу производства, распределения, обмена и потребления экономических благ:

Такое понимание экономической системы подводит к необходимости перехода в ее исследовании от одномерного детерминизма к плюралистическому многомерному, многовариантному теоретическому анализу, не лишаясь при этом историко-материалистического, монистического взгляда на нее как на диалектическую систему причинно-следственных зависимостей.

Изменение оценочных критериев экономической системы вызывается тем, что современная экономика представляет собой крайне сложную многомерную систему, воплощающую органическое взаимодействие отнюдь не только экономических, но и множества других факторов, разнородных и разнорядковых: природных, технических демографических, политических, культурных. Все это создает значительные трудности на пути всеобъемлющего и всестороннего научного исследования. Помимо этого имеется и внутренне противоречие, присущее научному познанию экономической системы и усложняющее его. Оно состоит в том, что в процессе исследования, с одной стороны, трудно обойтись без упрощений, односторонности, а с другой, необходимо эту односторонность и упрощения преодолеть. Это накладывает особый отпечаток на последовательность и всесторонность проводимого исследования.

Первым отправным пунктом в этом отношении служит то, что экономическая система может и должна рассматриваться как определенная форма отношений собственности, т.е. как система социально-экономическая. Все стороны и процессы хозяйственного развития должны быть исследованы как формы проявления, развертывания сущности основного отношения данной системы. Именно так, в частности, исследуются в «Капитале» К. Маркса ступени развития производительных сил: простая кооперация, мануфактура, фабрика. Все они предстают как средство реализации цели капитала – увеличения прибавочной стоимости (относительной). То же – в рассмотрении К. Марксом проблем развития рабочей силы, личного потребления и воспроизводства народонаселения в целом,

факторной и отраслевой структуры производства и т.д., вплоть до движения самой экономической мысли. Везде реализуется предпосылка, согласно которой система собственности формирует производительные силы и все общество целиком по своему образу и подобию. Это позволяет получить полную, развернутую картину: как развивались бы хозяйство и общество в целом, если бы данное социальное отношение (отношение классов, социальных групп, наций, базирующееся на данной форме собственности) было все определяющим и не встречало бы на своем пути иных могущественных сил. При всей ее несомненной научной обоснованности и полноте эта картина, охватывающая *систему производственных отношений капиталистического общества*, все же относительна. Она не отражает всех этапов исторической реальности, потому, что «человек как главный элемент производительных сил выведен из отношений собственности как объект, а выступает лишь в качестве субъекта», что вступает в противоречие с действительностью [4].

Поэтому заявляет о себе необходимость иного подхода, который отличен от сложившегося. Сопоставление исторически сменяющихся друг друга социально-экономических систем в сложившемся понимании показывает, что они и лежащие в их основе отношения собственности выступают как преходящие формы развивающихся *производительных сил*, которые сами суть системное единство, обладающее своими сущностью и законами движения. Анализ их исключительно с такой позиции условен, ибо, с одной стороны, предполагает, будто определяющей роли производительных сил нет преград, и социально-экономические системы всегда могут быть к ним адекватно приспособлены. А на самом деле, с другой стороны, человек, как главный элемент производительных сил, находясь в орбите отношений собственности в качестве не только субъекта, но и ее объекта может выступать не только фактором развития производительных сил, но и существенного их сдерживания.

Крупные, принципиального характера проблемы анализа экономической системы связаны и с ее взаимоотношением с природой. Было время, когда общественное производство могло еще развиваться экстенсивно. Разрушительная сила максимального захвата и переработки природных богатств без серьезной заботы об их восстановлении еще не сказывалась заметно на жизни человечества. Положение существенно изменяется с достижением абсолютных планетарных пределов природопользования. Дальнейшее развитие экономической системы все в большей мере теперь определяют уже не сами по себе внутренние законы производственных отношений и производительных сил, а планетарные законы сохранения экологического равновесия.

При поверхностном рассмотрении кажется, что эти глобальные проблемы социально-природного типа (проблема ресурсов, энергетики, продовольствия, окружающей среды и т.п.) относятся только к классу противоречий «общество – природа». Однако такое утверждение вряд ли правомерно, поскольку суть этого противоречия значительно глубже. Оно не только в том, что человек грядущего столетия якобы вступил в антагонистическое противоречие с природой, исчерпав все ее потенции, а и в неспособности традиционных производительных сил удовлетворять возрастающие потребности людей. Поэтому нам представляется, что будет более обоснованным это противоречие отнести не только к классу противоречий «общество – природа», но и «общество – производительные силы».

Отдельные ученые, исследующие глобальные проблемы, нередко рассматривают их как частные кризисы. На самом деле подлинным источником глобальных проблем современности, на наш взгляд, является не только кризисное состояние отдельных элементов системы производительных сил, а кризис экономической системы в целом понимаемый, как глобальный кризис производительных сил, развивающийся не только на основе экономических, но и естественнонаучных законов.

История свидетельствует, что достижение предельных потенций (кризисного состояния) традиционной системой производительных сил ведет не к гибели человечества, а к новому взлету творческого гения и вынуждает его мобилизовать новые силы природы с целью преодоления кризиса и достижения новых высот в развитии человеческой цивилизации. Ей известны, по меньшей мере, две эпохи, которые были переломными в развитии производительных сил.

Первый глобальный кризис возник в эпоху неолита и был преодолен в результате так называемой «неолитической революции».

«Неолитическая революция» содействовала преодолению первого в истории человечества «продовольственного кризиса», благодаря плугу с железным лемехом и домашнему скоту в качестве тягловой силы, поскольку «стало возможным земледелие в крупном размере и полеводство, а вместе с тем и практически неограниченное для тогдашних условий увеличение жизненных припасов». [5].

Второй глобальный кризис производительных сил возник в конце XVII – начале XVIII в. Он был преодолен путем перехода от ремесленных и мануфактурных орудий труда к машинно-фабричному производству.

Таким образом, практика убедительно свидетельствует, что важнейшим условием преодоления возникающих кризисных ситуаций является развитие науки и внедрение научных достижений в производство.

В связи с этим нельзя не вспомнить мысль, высказанную Ф. Энгельсом: «Наука с каждым днем все больше и больше подчиняет людям силы природы. Эта – беспредельная, производительная способность, будучи использована сознательно и в интересах всех, вскоре сократила бы ... до минимума выпадающий на ее долю человечества труд...» [6].

В тоже время нельзя не отметить лишь частичную правомерность такого утверждения, поскольку вполне очевидно, что здесь речь идет о сокращении труда в целом. А ведь в процессе исторического развития происходит не сокращение труда, а все большее замещение его умственным трудом, который начинает играть особенно важную роль в современном общественном производстве, становится его определяющим фактором. Происходит процесс увеличения удельного веса умственного труда при одновременном сокращении физического, усиления наукоемкости и техноемкости общественного производства.

Это обстоятельство подводит к необходимости пересмотра сложившейся приоритетности в оценке различных сфер человеческого труда в создании общественного богатства, степени их участия в формировании прибавочной стоимости, распределительных отношений, форм организации, а также оценочных критериев определения уровней развития экономических систем. В связи с этим требует уточнения и утвер-

ждение К. Маркса о том, что «Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем как производится, какими средствами труда» [7]. Отличительной чертой современного этапа развития является поворот к человеку, его интересам, потребностям и лицо той или иной экономической системы, уровень ее развития определяется не только тем, чем производится, но и что производится и прежде всего кем производится, а именно: уровнем развития человеческой личности. Это, пожалуй, одно из главных направлений научного прорыва в обществоведении. Здесь скорее всего, находится ключ к решению не только таких острых проблем, как структурная перестройка, реформа ценообразования, таятся разгадки провалов политики прошлых лет и неудач перестройки, секрет механизмов двойственных связей человека с производством и с обществом, «справедливой оплаты труда», классовых отношений, феномена «прослойки», но и множества других понятий, определяющих степень отличия одной экономической системы от другой. Ошибка традиционной методологии в исследовании экономических систем скорее всего кроется в ее одномерном подходе, непомерном выпячивании «реального сектора экономики» и значительном забвении другой наиболее важной, в век развития НТР, составляющей общественного производства. В основе такого подхода заложена ошибочность в оценке реально изменившейся приоритетности различных сфер общественного производства и пренебрежение пониманием того, на каком уровне организации общества – на личностном ли, групповом, классовом, государственном, межгосударственном или на уровне человеческой цивилизации – ведется анализ. А это не может не вести к снижению степени научности исследования таких экономических категорий, как собственность, капитал, эксплуатация, распределительные отношения, интересы, стоимость, цена, самовозрастание капитала и целый ряд других [8].

Смещение акцентов и отнесение таких областей человеческой деятельности, как образование, наука, медицина, культура не к сфере нематериального производства, а непродуцированной сфере приводит к их недооценке, утрате ориентиров в расстановке приоритетных направлений развития, установлению распределительных отношений не в соответствии с принципом эквивалентности оплаты труда, затраченного в этой сфере а по знаменитому «остаточному принципу», диспропорциям в сбалансированности совокупного спроса и совокупного предложения, падению темпов экономического роста утрате стратегических ориентиров развития национальной экономики. В свою очередь это не содействует и возможности установления паритетных внешнеторговых отношений на взаимовыгодной эквивалентной основе между государствами с разноуровневой экономикой. По этому поводу В.Л. Ключня и И.В. Новикова пишут: «В открытой экономике значительно усложняются взаимосвязи между основными макроэкономическими переменными, характеризующими внутреннее состояние экономики, поскольку теперь они опосредуются процессами, происходящими в мире. В то же время экономические переменные, являющиеся показателями состояния внешнего сектора, находятся под влиянием внутренних переменных» [9]. Социально-экономическая реальность сопротивляется любым попыткам уложить в прокрустово ложе теоретических схем и складывающийся при этом одноуровневый подход формирования системы стоимостных отношений без учета места (уровня) формирования затрат. Пренебрежение многоуровневым методом исследования приводит к ошибочному заключению о снижении уровня

затрат в целом. На самом деле сокращение затрат на конкретном рабочем месте является, как правило, лишь свидетельством их увеличения в сфере образования, фундаментальной и прикладной науки в результате создания и внедрения новых образцов современных технических средств и технологий в производство, а не их сокращения в целом. Здесь уместно вспомнить открытый известным русским ученым М.В. Ломоносовым закон сохранения вещества природы, согласно которому «...Все перемены, в натуре случающиеся, такого суть состояния, что, сколько чего у одного тела отнимется, столько присовокупится к другому...» [10].

На самом деле происходит лишь превращение одного вида труда в другой (интеллектуальный). Будучи неэквивалентно оплаченным в пределах национальной экономики такой принцип организации распределительных отношений выступает лишь средством дезорганизации внутреннего товарооборота и ведет не только к искажению затрат, но и к нарушениям в определении нормы прибавочной стоимости по уровням их формирования. В. Куканов по этому поводу пишет: «...Вопрос о норме прибавочной стоимости оказывается в значительной мере *методологическим*. Норма эта будет изменяться в зависимости от того, на каком уровне фиксируются затраты живого труда. Если фиксировать живой труд только на уровне рабочих, занятых в материальном производстве, то норма прибавочной стоимости окажется максимально высокой. Но если учитывать затраты труда на более высоких уровнях (по «систематике»), то эта норма станет уменьшаться. Вопрос о ее истинной величине будет определяться тем, какой из уровней общественной организации будет принят научным сообществом (и обществом в целом) за точку отсчета. Вполне очевидно, что проблема здесь связана с определением социально справедливых принципов распределения полученного обществом «пирога» в соответствии с его приоритетами и ценностями» [11]. К этому высказыванию уместно привести и методологическую постановку проблемы динамики границ между живым и овеществленным трудом, сделанную В.А. Медведевым: «Граница между экономией живого и овеществленного труда весьма относительна и подвижна. Она зависит от того, в каких пространственных и временных рамках рассматривается производство. С точки зрения данного производственного процесса на отдельном предприятии труд, заключенный в предметах и средствах труда, есть труд прошлый, овеществленный. Если же производство брать не как локальный акт, а как процесс, происходящий в масштабах всего общества...то,... чем длительнее берется отрезок времени, тем большая доля труда, воплощенная в предметах труда, выступает как живой труд» [12]. При этом следует иметь в виду, что интеллектуальный труд, оказываемый в виде услуги на более высоком уровне общественного производства не имеет достаточно совершенной методики измерения, что приводит к обманчивой видимости снижения затрат на конкретном предприятии.

На межгосударственном или планетарном уровне он, создавая обманчивую видимость снижения затрат, зачастую ведет к неоправданному занижению цен и выступает условием неэквивалентных обменных отношений.

Ключевая роль в понимании этой проблемы связана с постоянным изменением приоритетов различных сфер человеческой деятельности в ходе эволюции экономических систем.

Исторически на смену меркантилизму, признававшему приоритетной сферу обращения, пришли представители буржуазной классической политэкономии, доказавшие первичность сферы производства, и значение труда как источника богатства. Особенностью современного подхода в экономической науке стало выделение из сферы производства нематериального производства и возникновении на этой основе новой реально сложившейся логически последовательной взаимосвязи: образование – наука – производство. В соответствии с ней на первое место выходит не материальное производство, а именно образование, медицина, культура, научное обслуживание, т.е. все то, что оказывает определяющее воздействие на формирование человека, как главного элемента производительных сил, содействует расцвету его творческого таланта. А это в свою очередь требует пересмотра приоритетов в расстановке сил и организационной структуры формируемой экономической системы.

Медицина и образование – важнейшие составляющие нематериального производства. Причем если медицина содействует формированию здоровой личности человека, то образование выступает не только источником формирования фундаментальной и прикладной науки общества, но и квалифицированных кадров для всех отраслей общественного производства. Их значение для успешного развития экономической системы трудно переоценить. В свою очередь, наука, являя новые открытия, содействует техническому и технологическому переоснащению общественного производства, подъему экономической системы на более высокую ступень развития. Сегодня прорыв государства из кризисного состояния экономики и выход на равноправный уровень межгосударственного сотрудничества более всего возможны на пути совершенствования системы национального образования, развития науки и научного обслуживания.

Более глубокий анализ современных экономических систем показывает, что они различаются между собой не только по характеру орудий труда, не только по уровню развития производительности общественного труда, а и по уровню удовлетворения совокупного общественного спроса (с учетом конкретно-исторических, присущих данной общественно-экономической формации законов производства, обмена, распределения и потребления), а также по характеру воздействия законов природы, технологически используемых в производстве для удовлетворения этого спроса.

Современная экономическая эпоха как раз и является свидетельством обострения противоречия между потребностями человечества и возможностями их удовлетворения. И если противоречие между обществом и природой является присущим современным высокоразвитым экономическим системам, то противоречие между обществом и производительными силами – это глобальное противоречие одинаково присущим странам, находящимся на различных уровнях экономического развития. Оно в меньшей мере относится к классовому, антагонистическому противоречию, чем к общесоциологическому поскольку выступает, не только в виде конфликта между производительными силами и производственными отношениями, (хотя нельзя полностью отрицать и это), а более масштабного конфликта между человеческим обществом и производительными силами, принимающего форму экономического противоречия между растущими материальными и духовными потребностями человечества и достигнутым уровнем развития производительных сил, а значит, в первую очередь, их главного элемента – человека. Цель данного

исследования и состоит в определении роли и места человека в экономической системе и их эволюционной взаимосвязи.

Поэтому необходимым принципом методологически полноценного подхода к изучению экономической системы является обращение к самому человеку. Оно, собственно, уже предполагается во всех изложенных выше принципах, поскольку нет ни социально-экономических отношений, ни производительных сил, ни взаимодействия экономики и природы без человека и вне его деятельности. Однако отдельный человек во всех трех этих аспектах выступает в качестве не только творящего субъекта, а и носителя общественных связей, объекта воздействия внешних по отношению к нему сил и законов. Человек сам – целостная система, развивающаяся по собственным, внутренне ей свойственным законам, хотя и находящаяся под мощным воздействием внешних сил. Здесь мы подходим к тому, что *и развитие производительных сил, и эволюция, и смена социально-экономических систем, и переход к экологически равновесному природопользованию могут и должны рассматриваться как формы проявления и развертывания сущностных сил человеческой природы, творческих возможностей и потребностей человека.*

Общество, которое в результате взаимодействия указанных наиважнейших (и, конечно, еще и многих других) факторов складывается на каждом качественно обособленном этапе своего развития, характеризуется как минимум: спецификой производительных сил; особым качеством производственных отношений; степенью реализации общечеловеческих критериев; определенным состоянием отношений между обществом и природой, обществом и производительными силами.

Даже если бы социально-экономический базис общества от возникновения до исчезновения оставался неизменным, общество должно было бы переходить из одной фазы в другую. Но в действительности, как мы знаем, социально-экономический базис претерпевает изменения формы и содержания как под влиянием развития остальных сторон общества, так и в силу динамики своих внутренних противоречий.

Среда, в которой формируется конкретная экономическая система, зависит от универсального взаимодействия разнородных факторов, представленных живыми общественными интересами в изменяющихся исторических условиях.

Всякая социально-экономическая система характеризуется системой интересов. Взятая в целом, она заинтересована, прежде всего, в самосохранении, а это предполагает укрепление позиций реальных собственников, росте предпринимательства.

Все агенты действующей системы производительных сил, как правило, заинтересованы в ее дальнейшем развитии и увеличении потребления. Все население заинтересовано в экологическом выживании и в улучшении окружающей среды. Наконец, каждый человек заинтересован в возможно более полной реализации своих способностей и потребностей. Этот императив совпадает с глобальным общечеловеческим критерием: свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех. Известно, что в любом обществе эти виды интересов совмещаются лишь в той или иной части, а в значительной мере они сталкиваются и ограничивают друг друга.

Каждая из сторон общественного развития (и выражающая ее система интересов) качественно и количественно изменяется в относительно самостоятельном ритме,

сила влияния ее то нарастает, то убывает. Одновременное проявление многих качественно новых явлений и проблем в хозяйственной жизни позволяет эмпирически разграничить *отдельные фазы* развития, выявить переломный исторический момент перехода от одной фазы к другой. Цель данного исследования и состоит в том, чтобы выявить наиболее существенные факторы и тенденции, лежащие в основе эволюционного перехода одной общественно-экономической формации к другой вплоть до установления социально-ориентированной рыночной экономики основанной на смешенных формах собственности. На наш взгляд, такой момент наступает тогда, когда вступают в полосу глубокой трансформации существенные стороны, элементы общества. Однако нельзя, при этом не видеть и общий характер такой констатации. Поскольку в действительности порой чрезвычайно трудно однозначно выявить качественную определенность каждой новой фазы. Например, первые послевоенные десятилетия многие западные ученые характеризовали: с точки зрения производительных сил как эру господства «третичного сектора» (услуг); с социально-экономической точки зрения, как эпоху преобладающей роли государственного регулирования; с политической точки зрения как продолжение в новых формах глобальной поляризации демократии и тоталитаризма. В дальнейшем, с конца 60-х годов, упор делается уже на появление новых технологий, ренессанс свободного предпринимательства, децентрализацию политических систем, приоритетность экологических проблем. С одной стороны, многоаспектный подход к пониманию фазы развития толкает к поверхностной описательности – уже в силу самого множества факторов, находящихся в поле зрения. Но, с другой стороны, иной, единообразный подход к качественному разграничению фаз может оказаться несостоятельным, поскольку для разных фаз определяющую роль могут играть и факторы не только объективного, но и субъективного порядка.

Развитие производительных сил всегда в той или иной мере было процессом всемирным, хотя на ранних этапах истории возникали многовековые «провалы» в контактах цивилизаций разных континентов и регионов. Вопрос о фазах развития во всемирной истории народного хозяйства еще должен быть изучен. Бесспорно, что на протяжении многих лет принадлежавшие к различным социально-экономическим системам, но находившиеся на примерно одинаковом уровне культурного развития общности людей поддерживали разносторонние связи. В частности, Всемирное хозяйство образовалось на рубеже XIX – XX вв., но международные фазы хозяйственного развития существовали гораздо раньше. Они тогда носили не глобальный, а региональный и межрегиональный характер.

Чем большую роль в экономике отдельных стран начинает играть международное разделение труда, чем интенсивней движение через границы не только товаров, но и знаний, капитала, рабочей силы, чем выше роль науки и информации в производстве, тем в большей степени динамика производительных сил разных стран становится не только однонаправленной, но и синхронизированной. Иначе говоря, *в одни и те же исторические отрезки времени производство все большего числа стран проходит одни и те же качественные этапы развития*. Это положение распространяется не только на производительные силы, но и на отношение общества к природе. Причины – в общности характера производства и потребностей, в единстве планетарной экологической системы.

Вместе с развитием средств общения и возвышением самой цивилизации всемирным процессом все в большей мере становится и эволюция культуры и всей духовной сферы человека, хотя, разумеется, здесь существуют различия национальные, а также вызванные особенностями территории проживания.

Все сказанное должно, разумеется, прилагаться и к социально-экономическим отношениям стран, принадлежащим к различным системам. Эти отношения – собственности, распределения, обмена и т.д. – должны приспосабливаться к глобальным процессам в научно-технической сфере, экологии, культуре, а в противном случае может возникать ситуация неразрешимого конфликта, поскольку производственные отношения противоположных по содержанию систем вступают не только в косвенное, опосредованное, но и в непосредственное взаимодействие друг с другом. Но в ядерный век, в условиях глобального экологического, энергетического кризиса, существования и нарастания таких острейших проблем, как продовольственной, защиты жизни и здоровья людей и др. она может быть только мирной и конструктивной.. А это возможно лишь при определенном взаимоприспособлении разнородных систем производственных отношений по всем их элементам.

Однако оно может происходить только при глубоком переосмыслении многих экономических категорий марксистского учения, которые были положены в основу противостояния идеологий Востока и Запада, капитализма с коммунизмом и рассмотрении их не с позиций классовых противоречий, а объективно складывающихся отношений продиктованных скорее условиями необходимости усиления конкурентных позиций хозяйствующих субъектов на основе ускоренного технического и технологического переобновления капитала, чем классовым антагонизмом.

Маркс и Энгельс предполагали, что капитализм по мере своего развития будет приобретать формы экономической системы, все более основывающейся на эксплуатации, что приведет к революции. А в реальной действительности развитие отношений между трудом и капиталом пошло по иному сценарию. Первоначальная политика невмешательства государства в экономику в «более эксплуататорские» периоды капитализма трансформировалась в систему, которая базировалась на новых правилах, по которым капиталисты, предприниматели, политические деятели должны были играть, если они хотели существовать и работать в этом обществе. Этому в немалой степени содействовало нарастание субъективных и объективных явлений, выразившихся в обострении классовых противоречий, противостоянии труда капиталу, трудностях сбыта продукции, падении платежеспособного спроса со стороны большинства населения, кризисах перепроизводства, росте безработицы. (То есть общество достигло такого состояния, при котором по образному выражению В.И. Ленина «верхи не могли, а низы не хотели жить по старому»). В результате сформировалась правовая система, основанная на усилении регулятивных воздействий со стороны государств, приведшая к существенной модификации капиталистической системы. Была сформирована система соцобеспечения, предназначенная для помощи тем слоям населения, которые по той или иной причине не получали благ от развития капиталистической экономической системы (этот процесс начался в Германии). Она была обращена на потребности более нуждающихся. В результате, по происшествии определенного отрезка времени, «большинство демократических госу-

дарств, основанных на экономических принципах свободного рынка, смогли не только заботиться, но и реально удовлетворять потребности простых людей – не только элитного и среднего класса, но и нижнего среднего класса и низших слоев» [13].

Однако вряд ли следует обольщаться на этот счет и считать «эксплуатацию» в марксистском понимании полностью исчезнувшим явлением особенно в планетарном масштабе, при рассмотрении взаимоотношений государств с разноразвитой экономикой.

Сегодня важнейшей проблемой взаимозависимого мира становится не сотрудничество различных систем, а взаимодействие разноразвитых структур, характеризующихся не только степенью развитости, но и степенью вовлеченности в международное разделение труда формирующейся планетарной экономической системы. Попытка многих, наиболее отсталых в экономическом отношении, стран изменить свое положение в мировой системе сопровождается глубокими структурными преобразованиями, ведущими к большей взаимозависимости их от ведущих государств мира, с одной стороны, и к росту ее асимметрии – с другой. Характеризуя процесс глобализации, как ошибочную конкуренцию, не укладывающуюся в строгий порядок единопланетарности, профессор Гарвардского университета С. Хофман указывает, что «мы присутствуем при «воспроизведении в мировом масштабе того, что в XIX столетии национальный капитализм создал в отдельных странах» [14], т.е. высокий уровень дифференциации в доходах.

«Учитывая значительную разноразвитость взаимодействующих экономик, данные явления неизбежно вызовут возрастание эксплуатации на всех уровнях, включая межгосударственный», – пишет Л. Кистерский и далее продолжает: «В развивающемся мире в процессе его взаимодействия с развитыми странами происходит объективный процесс дифференциации. Сглаживание этих противоречий видится на пути создания системы наднационального регулирования в условиях растущей взаимозависимости, на базе которой и могут возникнуть основы международной экономической безопасности» [15].

Следует отметить, что в течение длительного времени категория «эксплуатация» и «неоколониальная эксплуатация» трактовались весьма упрощенно, сводясь к простому ограблению или неэквивалентному обмену. Понятие неэквивалентности обмена со временем приобретает более широкое толкование. Под ним понимается и динамика условий торговли, которая в силу объективных экономических процессов, таких, как осуществляемая структурная перестройка в высокоразвитых государствах Запада, стимулирующая широкое внедрение ресурсосберегающих технологий при падении цен на сырье и повышение качественных характеристик готовой продукции и последующее ее удорожание и «сброс» устаревшего оборудования в результате ускоренной амортизации в отсталые экономические регионы становятся крайне неблагоприятны для государств с менее развитой экономикой, умножают для них потери национальной стоимости и приводят на определенных этапах к усилению их эксплуатации даже при сохранении эквивалентности. Развивая замечания А. Смита о колониальной торговле и преимуществах свободного обмена продуктами, Д. Рикардо отмечал, что «свобода торговли соответствует не только интересам всего мира, но и каждой страны, а колониальная политика приносит метрополиям не меньший вред, чем колониям» [16]. Уточняя определе-

ние А. Смита, который считал, что капитал есть командование над трудом, К. Маркс определял капитал, как командование над неоплаченным трудом: «Всякая прибавочная стоимость, в какой бы особенной форме она впоследствии не кристаллизовалась, в виде ли прибыли, процента, ренты и т.п. по самой своей субстанции есть, материализация неоплаченного рабочего времени. Тайна самовозрастания капитала сводится к тому, что капитал располагает определенным количеством неоплаченного чужого труда» [17]. Причем эксплуатация, как экономическое отношение возникает не насильственным путем. Как отметил Ф. Энгельс: «Данное отношение не базируется на насилии, а возникает чисто экономическим путем» [18]. Исследуя законы международной торговли и распределение выгод в результате этого процесса Дж. Милль отмечал, что «часто путем торговли с иностранцами мы можем получать их товары с меньшими издержками труда и капитала, чем эти товары стоят самим иностранцам. И, тем не менее, такая торговля выгодна для иностранцев, потому что этот товар, который они получают взамен от нас, хотя он и стоил нам меньше, обошелся бы им дороже, если бы они производили его сами» [19]. Опираясь на эту мысль Дж. Милля, а также развивая теорию закона стоимости Д. Рикардо, К. Маркс подчеркивал, что несколько рабочих дней одной страны могут обмениваться на один рабочий день другой страны, или рабочие дни различных стран относятся друг к другу как квалифицированный, сложный труд к простому неквалифицированному внутри одной страны. Закон стоимости в этом случае претерпевает существенную модификацию, то есть «более богатая страна эксплуатирует более бедную даже тогда, когда последняя выгадывает от обмена» [20].

На данном этапе развития международных экономических связей наиболее стремительными темпами накопление капитала происходит на основе проводимой экономически более развитыми странами ускоренной амортизации. Оно осуществляется на основе досрочного списания в амортизационный фонд балансовой стоимости основных средств и затем досрочного демонтажа и продажи в отсталые, в экономическом отношении, регионы не полностью изношенного оборудования, техники по ценам, превышающим их остаточную стоимость. При этом сохранение приоритетов в области НТР создает все предпосылки к установлению таких цен на реализацию готовой продукции, которые позволяют не только покрывать затраты, связанные с завышением амортизационных норм списания, но и сохранять достаточно высокий уровень ее прибыльности. Закупка такого оборудования наряду с предполагаемой выгодой от его приобретения неизбежно приводит к росту затрат на расширение ремонтной базы, ухудшению экологического состояния в этих регионах, снижению инвестиционных возможностей.

Сегодня представляется не лишенным оснований вопрос: правильно ли международные отношения, следуя традиции, все же рассматривать как «вторичные», «производные», «перенесенные»? Не есть ли это их недооценка как обратная сторона абсолютизации внутринациональных связей? Констатируя, в частности, резко усиливающуюся роль транснациональных корпораций, различных международных экономических организаций с автономным статусом, интеграционных формирований, было бы, наверное, оправданно сделать и соответствующие общего характера выводы. Пора теоретически осмыслить и такой быстро развивающийся феномен, как совместные предприятия, свободные экономические зоны и другие формы взаимопроникновения разнохарактерных отношений.

Ведь такого рода формы кладут, очевидно, начало ряду качественно новых процессов и образований, способных в перспективе втянуть в свою орбиту значительную долю экономики разноуровневых систем. Приспособление социально-экономических систем к глобальным тенденциям и друг к другу носит двойственный, противоречивый характер. С одной стороны, это вынужденные сдвиги, противоречащие сущности данной социально-экономической системы, встраивающие в нее новые элементы, с которыми она должна ужиться. Такие элементы, сообщая системе динамизм, вместе с тем ослабляют ее устойчивость и придают ей черты переходного состояния. С другой стороны, подобные изменения системы означают дальнейшее ее развитие, развертывание путем избавления от старых форм и замены их новыми, углублениями самого ее содержания.

Интенсификация международных связей порождает двойственный процесс: с одной стороны, усиливаются общечеловеческие стимулы и цели хозяйственной деятельности, с другой – обостряется борьба за выживание и за будущее национально-специфических и исторически обусловленных форм хозяйствования. В конечном счете, остаются и укрепляются те особые хозяйственные формы, которые являются целесообразным выражением имманентных отдельным странам материальных и духовных сил прогресса, а не следствием локальных сил его торможения.

Глобализация социально-экономических тенденций в целом несет с собой прогресс, но отнюдь не обязательно гармонию. Так, НТР, ускоренный рост сферы услуг, информатики, систем управления обусловили всемирную тенденцию к выделению «среднего класса» (конгломерата разнородных социальных групп, состоящего в основном из относительно обеспеченных трудящихся) и его противопоставлению малообеспеченным слоям населения. Не менее противоречива тенденция к глобализации потребностей, потребительских стандартов, которая порождает у части населения развитых и большинства населения других стран своего рода синдром жизненной неполноценности, заключающий в себе не только стимулирующие, но и деструктивные потенции. На этом фоне нарастает поляризация между государствами с разноуровневой экономикой на основе усиления неэквивалентности в набирающих силу международных торгово-экономических отношениях. По этому поводу президент Академии наук Республики Беларусь М.В. Мясникович в статье «Глобализация: императив экономического развития на пороге третьего тысячелетия» пишет: «Возникает нереальная результативность производства в странах «золотого миллиарда». Извлекаемые прибыли позволяют не только обеспечивать расширение влияния ТНК, но и повышать жизненный уровень в индустриально развитых странах (метрополиях), предотвращая казалось бы неизбежные социальные конфликты из-за перемещения рабочих мест в другие страны» [21].

Иначе говоря, в современных условиях фаза хозяйственного развития является не системно-ограниченной, а глобальной. Она определяется рядом взаимосвязанных черт: специфическим характером производительных сил (прежде всего), уровнем эффективности экономики, системой общественных потребностей и конкретными формами хозяйственного механизма.

Если различные социально-экономические системы сосуществуют и соревнуются в рамках одной и той же глобальной фазы хозяйственного развития, то закономерными становятся их сближение, «похожесть» по большинству «внесистемных» параметров.

Многофакторный и многовариантный анализ экономической системы стал необходим именно на современной фазе глобального развития. Взаимосвязь отдельных элементов этой системы по необходимости становится эластичной, изменчивой по направленности. В основе складывающейся взаимосвязи просматривается общее стремление к разгосударствлению собственности, расширению сферы рыночных отношений, основанных на многообразии форм собственности свойственных смешенной экономике, приданию им все возрастающей социальной направленности. Отношения собственности, распределения, обмена, координации связаны уже не так жестко и однозначно, как на более ранних фазах. Даже в кардинально противоположных, по целевой направленности, ранее системах складывается весьма широкий изменяющийся спектр сочетаний различных форм и структур указанных отношений, а это не может не предопределять вариантность социально-экономического развития. Она выражает усложнение системы факторов, которые движут разнородными интересами хозяйствующих субъектов. Возрастают динамизм этих интересов и экстремальность ситуаций, в которых действуют участники общественного производства. Это заставляет максимально скрупулезно учитывать специфику отдельных стран, отдельных периодов при построении структур и форм хозяйства. Взаимодействие исторических социально-экономических систем и глобальных фаз хозяйственного развития образует ключевую проблему экономической теории и практики в современных условиях НТР и интернационализации всех сторон общественной жизни.

В свете сказанного нуждается в пересмотре наше отношение к разрабатываемым на Западе теориям стадий. Они требуют объективного всестороннего анализа, не исключающего обращение и к тем слабостям, которые обнаружились в практическом преломлении марксистской теории.

При этом, нет никаких оснований обвинять основоположников марксизма в том, что они, сосредоточив внимание на категориях «способ производства» и «общественно-экономическая формация», игнорировали фазы хозяйственного развития. Скорее всего, они стремились выразить наиболее глубинную сторону социально-экономических отношений той эпохи, в которой они жили и ее взаимосвязь с предшествующими эпохами. Следует отметить, что им это удалось в такой мере, как никому до них и никому после них. Причем такая концентрация внимания отнюдь не помешала К. Марксу и Ф. Энгельсу неоднократно обращаться к вопросу об исторических ступенях развития общества и хозяйства, либо выходящих за рамки указанных категорий, либо сменяющих друг друга в рамках одной и той же общественно-экономической формации. Так, известно, что Ф. Энгельс считал научным деление истории на периоды дикости, варварства и цивилизации. К. Маркс использовал понятие «азиатский способ производства», охватывающее огромную полосу истории народов Азии, не «помещающееся» в пределы какого-либо из «классических» способов производства. В.И. Ленин создал учение об империализме и государственно-монополистическом капитализме как формах организации существующих в системе капиталистического способа производства.

В марксистской теории исторического процесса учитывалось и переплетение двух форм развития – революционной и эволюционной. Словом, методология марксизма достаточно диалектична в подходе к разворачиванию форм социально-

экономических отношений, она исходит из возможности и неизбежности гибкого сочетания противоречивых, но не взаимоисключающих путей развития, из непостоянства конкретной роли производительных сил и производственных отношений, базиса и надстройки в качестве формообразующих факторов.

Другими словами, способ производства в марксистском понимании – это гибкая, изменчивая, подверженная многим трансформациям сущность, способная «вписываться» в разнообразные исторические условия. Именно К. Маркс и В.И. Ленин дали высочайшие образцы исторического подхода к развитию общественного хозяйства.

Тем не менее и в дальнейшем марксистская теория стадий или фаз хозяйственного развития продолжала рассматриваться исходя из заложенных в этом учении исключительно классовых интересов, несмотря на то, что общественное развитие стало менять вектор своего направления, особенно в части понимания проблемы «эксплуатации», которая из стран метрополий все больше стала перемещаться на уровень межгосударственных экономических связей. А это стало следствием сужения действительно научных поисков в былом СССР с учетом новых реалий, абсолютизации директивного централизованного планирования и усиления административно-командных методов управления.

В результате модель экономической системы рыночного типа не получает дальнейшего развития (после ГМК) не по форме организации: простое товарное производство – капиталистическое производство – монополистический капитализм – государственно-монополистический капитализм – межгосударственные монополистические объединения (региональные экономические союзы) и наконец формирование планетарной метасистемы; не по этапам технико-технологического оснащения производства: инструментальный, индустриальный (машинное производство), инфро-индустриальный (автоматика + информатика), неоиндустриальный (экологически чистое производство), каждому из которых характерен определенный масштаб производства типа мастерская с кооперационной формой организации труда, мануфактура, фабрика МНК и ТНК с огромным количеством филиалов и миллиардными капиталами или современные мелкие, средние и мельчайшие, но высокодинамичные автоматизированные производства.

Во многом поэтому в ходе перестроечного процесса связанного с переходом к рыночной системе хозяйствования допускаются порой непродуманные, скоропалительные решения, принимаемые без учета достигнутого экономикой страны реального уровня развития общественного производства, его технической базы (типа всеобщей ускоренной амортизации или тотального внедрения маркетинга и т.д.).

В немарксистской экономической науке широкое развитие получает теория стадий экономического роста (особенно в послевоенные десятилетия). Она имеет несколько вариантов. Их общая основа – выделение трех стадий: доиндустриальное, индустриальное, постиндустриальное общество, а в последующем выделяется и четвертая стадия – неоиндустриального общества. Так, Ю.М. Осипов в разделе «Современность и экономический социум» к книге «Мировое хозяйство и советская экономика» пишет о «...неизбежности такого явления... в рамках общемирового движения, как следования по пути неоиндустриального прогресса» [22].

Возникают при этом их различные вариации. У. Ростоу различает в доиндустриальном и индустриальном обществах еще по две стадии, между которыми лежит пере-

ходная – «рывок». Дж. К. Гэлбрейт делит «индустриальное общество на старое и новое, а последнее, в свою очередь, «раздваивает»: одно реально существует, другое – то, что должно прийти ему на смену.

Процесс исследования эволюции экономических систем, не с позиций классового деления общества, а нарастания предпосылок к возвышению человеческих потребностей на основе технического и технологического переобновления производства за счет роста нормы накопления капитала в условиях усиливающейся конкурентности приводит к отказу от стереотипа безоглядного отрицания всего, что «с Запада», требует признания того, что: теория стадий – крупный вклад немарксистской мысли в экономическую науку. Однако вклад односторонний. Дело в том, что изучение специфических черт глобальной исторической стадии привело большинство немарксистских исследователей по существу к тому, что они растворили в этих чертах реальную социально-экономическую систему и ее самостоятельную роль (здесь есть, конечно, и исключения). Одним из примеров сознательного «растворения» категории «способ производства» в категории «стадия роста» может служить проводимое У. Ростоу их решительное противопоставление как якобы несовместимых.

Буржуазные ученые не игнорируют социально-экономические отношения. Но их конституирующий фактор видят не в отношениях собственности на средства производства, а в ином: либо в отраслевой структуре производства (К. Кларк, К. Фурастье), либо в его факторной структуре (Дж. К. Гэлбрейт), либо в технологии (З. Бжезинский, И. Мосуда), либо в совокупности и всех этих и, сверх того, других еще факторов (Д. Белл, А. Тоффлер, Дж. Несбит). При такого рода подходах социально-экономическая система утрачивает историческую определенность, сливается с фазой хозяйственного развития.

С изложенных позиций следует, очевидно, подходить и к различным вариантам концепции полной либо частичной конвергенции разнородных социально-экономических систем. Варианты эти основаны по существу на экономическом, культурно-антропологическом или технологическом детерминизме. Общий изъян теории конвергенции, как и теории стадий, – в смешении социально-экономической системы и фазы глобального развития. Тем не менее игнорировать теоретический вопрос, поставленный сторонниками названной концепции, нельзя. Суть его в следующем: при всех ли исторических условиях социально-экономическая система должна быть однородной и почему в современную эпоху демократического плюрализма и нового мышления она не может состоять из оптимального набора разнородных элементов – капиталистических, социалистических и иных (мелкотоварных, общинных и т.п.)? В методологическом плане этот вопрос не нов, он ставился еще в прошлом веке исторической школой буржуазной политэкономии, которая рассматривала всякое национальное хозяйство как совокупность разнородных исторических форм экономической организации. В современных условиях он стоит принципиально иначе, и на него должен быть дан убедительный ответ. С точки зрения социальной ориентации экономической системы основанием для ответа может служить лишь непредвзятый анализ тех социально-экономических форм, в которых с должной полнотой могут быть реализованы коренные интересы трудящихся в данной исторической фазе хозяйственного развития.

И здесь нельзя не признать, что наиболее полно заданным параметрам отвечает именно модель смешенной социально-ориентированной рыночной экономики основанной на умелом сочетании традиций, рыночного механизма и государственного регулирования при многообразии форм собственности и хозяйствования.

Наиболее полно принципы «смешенной экономики» были изложены австрийским экономистом А. Вагнером. По его мнению народное хозяйство представляет собой не единую какую-либо экономическую систему, а сочетание трех различных «хозяйственных систем»: 1) чистый капитализм с его стремлением к получению максимума прибыли; 2) общественно-хозяйственная (т.е. административно-командная система), руководствующаяся принципом общей пользы и действующая из альтруистских побуждений; 3) традиционное хозяйство.

В экономической литературе до сих пор утверждается, что наиболее мощным и динамичным фактором формирования исторических фаз хозяйства остаются производительные силы общества. Однако безупречность такого утверждения может быть поставлена под сомнение, поскольку, с одной стороны, условия их динамичного развития во многом предопределяются рядом факторов, а с другой, многоэлементным составом. Трудность их анализа связана с тем, что сами они «многомерны» и могут, как известно, характеризоваться по множеству разных признаков. Несомненно, однако, что, как бы мы ни подходили к классификации производительных сил, их развитие подчинено определенной логике. В этом следует разобраться более внимательно.

История науки и техники распадается на качественно различные этапы. Каждому историческому этапу науки и каждому историческому типу техники присущи свои специфические внутренние закономерности развития, а также определенный уровень организационно-экономической и социально-экономической структуры экономической системы. Однако существуют и общие закономерности, общая логика научно-технического прогресса, которые обуславливаются строением природы и системой ее законов, открываемых наукой; общеисторическими законами воспроизводства; законами мышления и его развития, являющимися, в конечном счете, сложным отражением общих законов природы и истории. Эта логика включает ряд закономерностей.

Во-первых, происходит *наращивание производственной мощи* технических объектов, т.е. способность технических систем использовать естественные (земные и космические) источники энергии и вещество природы возрастает, (исключение составляют некоторые технические объекты индивидуального пользования с ограниченной мощностью).

Во-вторых, техника, опираясь на разветвляющуюся систему законов и знаний науки, развивается по линии *постоянного обогащения набора технических средств*, что, с одной стороны, направлено на все более широкое и глубокое использование человеческого потенциала и расширяющейся гаммы доступных природных ресурсов, а с другой – следует за общеисторическим расширением и возвышением потребностей общества.

В-третьих, происходит закономерное *усложнение* технических систем. Усложняются практические функции производственного процесса, они все более разлагаются на элементарные составляющие, реализуемые сочленением все большего числа деталей, узлов, механизмов и процессов в едином техническом объекте.

В-четвертых, общим законом развития техники является ее возрастающая *автономность по отношению к человеку* как к непосредственному участнику производства. Этот общий закон основывается на противоречии между практически безграничными возможностями повышения мощности и усложнения технических систем и ограниченными возможностями человека как непосредственного участника технологического процесса. Возрастающая автономизация техники идет от использования отдельных законов природы ко все большей имитации в технических средствах как природных процессов, так и человеческого мышления.

В-пятых, возрастает *степень объединения технических систем*. Последние создаются как единые, сквозные, подчиненные общему функциональному назначению: энергетическая, транспортная, системы связи, информации и др. Растущая степень объединения технических систем проявляется, далее, в синхронизации действия специализированных и кооперированных предприятий, превращающихся в части единого непрерывного конвейера; в возникновении автоматических систем управления, постепенно охватывающих отрасли и народное хозяйство в целом. Такая тенденция к глобальному объединению техники логически продиктована глобальным единством природной среды, в которой функционирует техника, необходимостью использовать естественную производительную силу кооперированного, непосредственно обобществленного труда.

Суть того «императива», который внутренняя логика технического прогресса предписывает обществу, состоит во всестороннем обобществлении процессов производства товаров и услуг. Технический прогресс вызывает направленные изменения в технико-организационных связях, а вместе с тем и в социальных отношениях, в этике и во всей системе взглядов участников технико-производственных отношений. Однако до поры до времени он не затрагивает основ и содержания сложившегося экономического базиса общества в отличие от конкретных форм хозяйственного механизма.

Таким образом, нельзя согласиться ни с тем, что научно-технический прогресс хаотичен по своей природе и некий порядок в него вносит лишь критерий прибыльности, обеспечивающий автоматический отбор лучших вариантов, ни с тем, что научно-технический прогресс можно направлять по нашему усмотрению, исходящему из наперед заданных социальных целей.

Подводя итоги, мы можем выделить некоторые черты современной фазы развития экономической системы.

Решающее значение, на наш взгляд, имеет *первая* из этих черт, состоящая в том, что не только производство, но и все стороны жизни общества основываются на совокупности разветвленных и взаимосвязанных инфрасистем – электроэнергетической, транспортной, информационной и др. Опрокинуты технико-экономические границы между производством, услугами, бытом: все эти сферы превратились в автономные ответвления единой системы машин – инфраиндустрии. Каждое отдельное предприятие приобрело техническую гибкость и подвижность именно на этой общей базе; высокоэффективным стало не только крупное, но и мелкое производство.

Вторая ее черта – начавшийся процесс преобразования всех звеньев инфраиндустрии под воздействием современной НТР. Он определяется этапными достижения-

ми микроэлектроники, лазерной техники, космонавтики, биотехнологии, генной инженерии и других новейших областей науки и практики. Указанный процесс вносит в развитие экономической системы *высокую степень структурного и технологического динамизма и неопределенности*.

Третья черта – планетарные масштабы хозяйственной деятельности, достигающие и переступающие пределы физических возможностей природной системы планеты и диктующие *переход от количественного к качественному развитию*. Привычная диалектика количества и качества к современному хозяйству становится все менее применима: если для отдельных элементов вещественного богатства фаза качественного скачка может сосуществовать с фазой количественного роста, то для системы производства и потребления, взятой как целостность, все более настоятельным императивом является такое развитие, которое означает более или менее *перманентное перерастание одного качества в другое*, минующее количественный рост.

С указанными тремя чертами тесно связана *четвертая* – резко возросшая степень риска хозяйственной деятельности. Гигантская мощность агрегатов, потенциальная разрушительная сила используемых в них веществ, токсичность отходов, высокая сложность систем регулирования, растущие скорости действия – все это превращает современные производительные силы в потенциальный источник риска для жизни и здоровья больших масс людей, целых поколений. Особую опасность для цивилизации представляет производство ядерного, химического и бактериологического оружия.

Наконец, *пятая* характерная черта современной фазы развития экономической системы – интернационализация связей, преодоление *принципиального барьера между внутринациональными и международными связями*, начало отмирания национально обособленных технико-экономических систем.

Современная эпоха характерна резко усиливающимся (в силу распространения культуры и процессов демократизации) воздействием на хозяйство общечеловеческих ценностей. Человек все менее готов приспосабливаться к требованиям «голой эффективности» и все настойчивее добивается приспособления производства к собственным критериям безопасности, комфортности содержания и условий труда, оздоровления быта. Иначе говоря, производство стоит перед усиливающимся требованием его *всесторонней гуманизации и неизбежного перехода в неоиндустриальную фазу развития*.

Содержание современной фазы экосистемы – в том, что система инфраиндустрии, преобразуемая многообразными процессами НТР и ставшая интернациональной, столкнулась с планетарными границами роста, границами допустимого риска и испытывает возрастающее воздействие императива гуманизации. Иначе говоря, *это фаза инфраиндустрии, вступающая в эпоху кризисной трансформации, радикального обновления и перехода в новую фазу развития – неоиндустрию, характеризующуюся поиском таких технологий, которые обеспечивали бы возможность производства необходимых для жизнеобеспечения людей благ, не нарушая при этом происходящих в природе биологических процессов и хрупкого равновесия между человеком и природой*.

И на данном этапе развития, равно как и на предыдущих, и даже в многократно возрастающей степени, важнейшим преобразующим фактором развития и становления новой экономической системы выступает человек, степень воздействия ко-

торого в полной мере определяется конкретными производственными условиями в которые он поставлен.

Такова, на наш взгляд, совокупность основных условий, воздействующих на различные социально-экономические системы и заставляющих их приспособлять к этим условиям свои отношения собственности, координации, распределения, и т.д.

Л и т е р а т у р а

1. **Герасимов Н.В.** Экономическая система: генезис, структура развития. – Мн., «Навука і тэхніка», 1991. Академия наук БССР институт экономики. – С. 6.
2. **Экономикс.** Т. 1, ст. 47. – М.: Из-во «Республика», 1992.
3. **Базылев Н.И., Гурко С.П.** Экономическая теория. – Мн., БГЭУ, 1999. – С. 21, 22.
4. **Шахнович С.В., Шахнович Е.С.** Человек, собственность и экономические системы. Вестник ВГУ, 2002, №2 (24). – С. 26.
5. **К. Маркс Ф. Энгельс.** Соч. Т. 21. – С. 32.
6. **К. Маркс и Ф. Энгельс.** Соч. Т. 1. – С. 563–564.
7. **Маркс К., Фридрих Э.** Соч. 2-е изд. Т. 23. – С. 191.
8. **С.В. Брагинский, Я.А. Певзнер.** «Теория вменения» Дж. Б. Кларка и Ф. Визера; «Политическая экономия» М.: «Мысль», 1991. – С. 88–93; **В. Куканов.** «О системности трудовой теории стоимости». Вопросы экономики, 1990, №8. – С. 112–124.
9. **В.Л. Ключа, И.В. Новикова.** «Экономическая теория»: Учебное пособие, Мн., Тетра Системс, 2002. – С. 313.
10. Большая советская энциклопедия. Т. 15. 3-е изд. – М.: Из-во «Советская энциклопедия». 1974. – С. 9.
11. **В. Куканов.** О системности трудовой теории стоимости. «Вопросы экономики», 1990, № 8. – С. 134.
12. **Медведев В.А.** Социалистическое производство. – М.: Экономика, 1976. С. – 106.
13. **Ф. Кент Р. Хилл.** Беларусь выбор пути. – Мн., 2003. Санкт-Петербург «Невский простор». – С. 23.
14. **С. Хофман.** Проблемы глобализации.
15. **Л. Кистерский.** «МЭ и МО», 1992, №1. – С. 138.
16. **Д. Рикардо.** Начало политической экономии и налогового обложения. – М., 1941. С. 216–217.
17. **К. Маркс и Ф. Энгельс.** Соч. Т. 23. – С. 544.
18. **К. Маркс и Ф. Энгельс.** Соч. Т. 20. – С. 156, 157.
19. **J/ Mill.** Essays on Some Unsettled Questions of Political Economy. London. 1884.pp/ 2–3.
20. **К. Маркс и Ф. Энгельс.** Соч. Т. 26, ч. 111. – С. 104, 105.
21. «Белорусский экономический журнал», №2. 2000. – С. 26.
22. **Осинов Ю.М.** Мировое хозяйство и советская экономика. – М., 1990. – С. 27.